

С начала новой утренней практики прошла неделя.

Пусть при поддержке Акинэ-тян, но мне все же удалось на своих двоих добраться до ванной. Погрузившись в горячий бассейн, я довольно замычал себе под нос. Усталость медленно оставляла тело, что тоже способствовало хорошему настроению.

— Эх, как кушать хочется. Что, интересно, сегодня на завтрак...

Уже в раздевалке, одеваясь, я случайно скользнул взглядом по стоящим в углу комнаты весам, и из любопытства решил встать на них впервые за долгое время.

— Что?..

Я не поверил своим глазам. Мой вес снизился... больше чем на десять килограмм!

— Помню, когда я только приступил к практикам, я тоже резко похудел... Но не на десять же кило сразу!

В груди заворочалось нехорошее предчувствие.

И оно меня не обмануло.

Я больше не мог есть.

Несмотря на голод, мне ничего в горло не лезло. И это когда у меня перед глазами стоял специально приготовленный для меня Рурико-сан завтрак! Жареное филе лосося, яичный рулет с зеленым луком, салат из упругого камабоко и огурцов с майонезом, салат с ветчиной, мисо-суп с дайконом. Я не мог заставить себя съесть ни кусочка!

— Если не хочется, не насилуй себя, Юси-кун.

Ох уж эти полные безразличия слова Акинэ-тян! Сущий дьявол!

Меня хватило лишь на маленькую плошку рисовой каши по-китайски. Вернувшись к себе, я лег спать, но и днем аппетит не вернулся. Ради меня добрая Рурико-сан приготовила бульон и ароматную куриную поджарку с крипотенией.

Но даже превкусная стряпня Рурико-сан не вернула мне сил и голову не прояснила. Не понимаю. В чем дело? Но это был еще не конец.

— Сегодня дневной практики не будет. Отдыхай, — заявила Акинэ-тян, чем лишь усилила мое

беспокойство.

Получается, с моим организмом действительно что-то не так?

Может, не стоило мне повышать трудность практик?

Весь день я праздно провалялся на диване в гостиной.

Летний сад и сегодня залит ослепительным светом, Ямада-сан, нагнувшись и став еще круглее, выдирает сорную траву. Рядом с ним, шурша множеством ног, неторопливо ползет нечто огромное, напоминающее многоножку. В ширину где-то сантиметров пятьдесят, страшно представить, сколько же метров оно в длину. На то, чтобы преодолеть сад, у него ушло целых полчаса. Я все это время бездумно за ним наблюдал. В кустах голоса сверчки, но в особняке царит удивительная тишина, нарушаемая лишь редким и немного тоскливым «дзынь» от стеклянного колокольчика.

— Хасэ, наверное... сейчас на лыжах катается...

Звон колокольчика напомнил мне о Хасэ, и меня охватил острый приступ одиночества.

Я многому научился в Особняке нежити, здесь мое мировоззрение и образ жизни сильно изменились, благодаря нему я смог открыться не только себе, но и Хасэ, и на фоне всего этого мне стало казаться, что я обязательно со всем справлюсь, что бы со мной ни происходило. Пока рядом Хасэ и соседи по общежитию... И эту мою веру ничто не поколеблет. Никогда и ни при каких обстоятельствах.

Тогда в чем причина этой непонятной тоски? Может, я потерял веру в себя? Поддался страху, что не смогу продолжать новую практику?

— Мда, и опять я в тяжелые минуты первым делом вспоминаю о Хасэ... Никакого прогресса, — проворчал я себе под нос, щурясь от ярких лучей летнего солнца.

Глядя на купающиеся в них веселые подсолнухи, я невольно подумал о Тасиро и тихо фыркнул.

— Они, наверное, уже на море уехали...

Мне захотелось повидаться с неугомонными «трещотками».

Буся принес книжку с картинками.

Я начал было читать, но вдруг вскочил с дивана, как ужаленный.

— Сыграем в «Супер Марио», Буся!

Буся, кажется, обрадовался (он не говорит, и по его лицу редко что можно прочесть). Ему нравится наблюдать за игрой.

— Давай! Ну! Вот тебе! Уо-о-о-о-о!!!

Пока я с криками и воплями давил на кнопки геймпада, Буся рядом, реагируя на происходящее на экране, то хлопал в ладоши, то кружил на месте, то вдруг принимался раскачиваться (может, танцевал?). В последнее время он стал все чаще выражать себя через движения.

Так я и играл до самого ужина. Буся в какой-то момент незаметно для меня уснул (устал танцевать, что ли?!). Не знаю, помогло ли, что я выплеснул в экран накопившееся напряжение, но ужин я смел подчистую. И вздохнул с облегчением.

Ради меня Рурико-сан поджарила котлету по особому, «нетяжелому» для желудка рецепту, с добавлением в фарш майонеза, отчего он даже после жарки остался мягким и сочным. Традиционности вкусу блюда придавали листья периллы и соус «тарэ». Аппетиту способствовал и едва уловимый запах чеснока. Никаких слов благодарностей не хватит!

«Все-таки без еды человек быстро портится», — на полном серьезе подумал я, жуя поданный в качестве гарнира рис. Мой мозг и все тело пребывали в эйфории, что я вновь мог есть. Еще совсем недавно мучившая меня депрессия вспоминалась как нечто далекое и полузабытое.

— Эх, как же все-таки просто я устроен, — шумно вздохнул я, наслаждаясь вареным тофу с моллюсками.

— Так и надо, пока молодой, — улыбнулся Поэт. — Пока организм и сознание только формируются, совершенно нормально вчера смотреть в одну сторону, а сегодня — в прямо противоположную. Эти колебания естественны. Намного опаснее застрять на полпути и не иметь сомнений — тогда окружающий мир резко сужается, что потом бьет по тебе еще больнее.

От слов Поэта у меня кольнуло на сердце.

Переживать — можно. Сомневаться — тоже можно. Я ведь и сам это прекрасно понимаю.

Хотя нельзя не признать, что переживать и сомневаться — это само по себе страшно. Но все-таки...

«Намного опаснее не иметь сомнений — тогда окружающий мир резко сужается, что потом бьет по тебе еще сильнее».

Для меня эти слова Поэта несли в себе особый смысл. Особенно та часть про «намного опаснее» и «бьет еще сильнее».

Утолив голод наполненной любовью к своему делу стряпней Рурико-сан и получив мудрое напутствие от Поэта, я воспрянул духом. Хотя и понимал, что и завтра не перестану переживать и сомневаться.

И весь следующий день, и последующий прошли в пограничном состоянии между голодом и неприятием пищи. За завтраком и обедом я едва мог впихнуть в себя плошку рисовой каши, и настроение было на нуле.

Ничего не оставалось, кроме как терпеливо ждать улучшения. Дни напролет я валялся у себя в комнате и слушал плеер. Даже книжку почитать желания не возникало. Поэтому я с головой уходил в музыку, стараясь ни о чем не думать. Сомневаюсь, что Фулу свойственна особая чуткость, но, как бы то ни было, в те дни он из «Пти» не показывался.

— А так вечно является, когда надо и не надо... — обхватив руками тяжелую голову, я покосился на лежащий на столе «Пти».

Много раз я порывался вызвать Фула, просто так, без особой причины. Но сдерживал себя. Можно сказать, из принципа.

— Черт!

Я со всей дури пнул скомканное поверх так и не убранного фута легкое одеяло. Мне вдруг до смерти захотелось сорвать на чем-то злость. Начать швыряться всем, что попадется под руку, разбить что-нибудь. В такие моменты... В такие моменты самое верное средство — немного проветриться.

Я вышел из особняка.

Побрел, едва переставляя негнущиеся ноги, по летнему городу куда глаза глядят. Я старался избегать оживленных улиц (боялся, что, столкнувшись с хулиганами, тут же без лишних слов полезу в драку. Хотя, может, оно было бы и к лучшему), шел по тихим спальным районам.

Макушку сильно припекало. Пот катил градом. В горле пересохло, но я продолжал твердить себе: «Не останавливайся. Не останавливайся».

Да уж. Давненько со мной этого не случалось.

Живя у дяди Хироси, я точно так же время от времени, когда происходило что-то плохое, уходил из дома и бродил часами по городу. Когда желание сорваться становилось нестерпимым, но поддаться ему было нельзя, я бегал и ходил, пока не начинал валиться с ног, после чего возвращался и засыпал, как убитый. Как же давно это было...

«Точнее, времени и правда прошло много... но сам я, оказывается, мало с тех пор изменился...» — мысли с трудом ворочались в тяжелой от жары голове, а ноги все шли и шли куда-то.

Не знаю, сколько я так брел. Но в какой-то момент обнаружил себя на знакомой дороге.

«Если не ошибаюсь, она ведет...»

К парку у порта Таканодай. Пляжа здесь нет, поэтому, несмотря на лето и море, в жару сюда практически не ходят. Даже детей не видно. Как тихо...

Солнце поджаривает море и бетонный причал. Поверхность воды ослепительно переливается.

Вытягиваюсь в полный рост на скамейке в тенечке. Ноги гудят от усталости. Но на душе полегчало. Все раздражение точно вымыло из организма теплой водой. Вместе с потом.

Слышу шорох волн об причал. По мерцающей бликами водной глади скользит лодка. Тело обдувает прохладный соленый ветерок.

Интересно, сколько сейчас времени? Отсюда часы в парке не видно.

Ничего, что я и сегодня пропущу дневную практику? Вдруг Акинэ-тян собиралась ее провести? Может, стоит вернуться в общежитие? Но что-то не хочется...

В итоге я так и пролежал в парке до самого вечера.

Когда я наконец решил принять сидячее положение, то к своему удивлению обнаружил в заднем кармане джинсов «Пти».

— И когда только успел?..

«Мы всегда сопровождаем своего господина», — вспомнились мне слова Фула. Хотя сейчас он, похоже, предпочитает хранить молчание.

Глядя на «Пти», я сам не заметил, как уголки моего рта приподнялись.

— Ну что, пора домой.

Я сунул «Пти» назад в карман и продолжил свою пешую прогулку.

Взрослые и Акинэ-тян никак не прокомментировали эту мою выходку. Вместо этого начали делиться воспоминаниями.

— Был у меня тоже такой период, когда я не знал, куда себя деть. Глупостей тогда натворил — не сосчитать, — признался Художник. А я думал, он с детства не знал, что такое сомнения. — И окна в школе бил, и мотоциклы угонял.

— Прямо как Ютака Одзаки, — улыбнулась Акинэ-тян.

— Точнее сказать, все это осталось в средней школе. В старшей я уже твердо знал, чем хочу заниматься.

— Как у вас это получилось?

— Я познакомился с живописью.

— А-а...

— Понятно, бывали периоды, когда я не мог писать, меня не принимали в артистических кругах, и когда я уехал за границу, там тоже пришлось тяжело, но раз решив, что картины для меня — это мое все, я уже не знал сомнений. Сейчас обо всех тогдашних трудностях и неприятностях даже приятно вспомнить. И неважно, продолжал бы я рисовать до сих пор или нет.

Неважно, продолжал бы он рисовать до сих пор или нет...

Точно. Он совершенно прав.

В таких делах конечный результат — не главное.

— Я вот, может, и переживал, но чтобы колебаться с выбором профессии — такого не припомню. Когда она, так сказать, назначена тебе еще до рождения, ты просто принимаешь ее как должное.

Зная его, я ожидал услышать от Рю-сана нечто подобное.

— А как тогда вам удавалось справляться с переживаниями?

— Как и Акира-сану. Либо ты это преодолеваешь, неважно как, либо упираешься в тупик. Так что приходилось справляться.

— У меня, как и у Рю-сана, будущее предопределено с детства, поэтому и со всеми трудностями удается справляться. Иначе не добиться исполнения мечты. Что бы со мной не происходило, я всегда думаю, что обязательно выстою!

— Хорошо вам, молодым. В молодости человек все что угодно может преодолеть уже от одной силы желания. — Поэт с глубокомысленной улыбкой отпил чай.

— А вы, Иссики-сан?

— А я никогда не переживал и не сомневался.

— Ну еще бы!

Мы все расхохотались.

— Юности все прощается. И переживания, и сомнения, и риски, и глупости. Тебе все можно, бери и делай. Но кое-чего молодым хронически не хватает: чувства ответственности. — Глаза Художника холодно вспыхнули. — Ты ни за что не отвечаешь. Ни о чем не задумываешься. Просто творишь, что в голову взбредет. Только идиоты рискуют и совершают глупости, не осознавая последствий. Ну да даже идиотов, если только, конечно, они не совершат ничего непоправимого, можно простить.

В устах Художника, который даже глупости творит продуманно и не снимая с себя ответственности, эти слова прозвучали особенно убедительно.

— Избыток информации все-таки играет свою отрицательную роль.

— И все эти инструкции тоже. В компаниях сейчас полно молодых ребят, которые не могут ничего сделать из того, что выходит за рамки инструкций. Казалось бы, подумай немного, и все получится, но они банально на это не способны.

— Воображения не хватает.

— Именно! Все из-за этого!

— Потому что слишком много сидят за компьютерами.

— А я считаю, родители виноваты. Воспитывать детей надо и не бояться им по жопе лупить!

— Сейчас только и говорят, что о правах и свободах детей. А детям как раз контроль нужен.

— Хорошо сказала, Акинэ-тян!

Все незаметно переключились на тему воспитания.

«Чувство ответственности... Ответственности...» — слушая их вполуха, я размышлял о словах Художника.

Избрав живопись своей профессией, он смог преодолеть все возникавшие на его пути преграды.

Рю-сан и Акинэ-тян готовы терпеть и справляться с любыми трудностями ради достижения predetermined им с самого детства будущего.

Никто здесь не говорит мне: «Ты тоже должен определиться».

Я вовсе не обязан во что бы то ни стало становиться магом.

Я хочу, чтобы когда-нибудь мои сегодняшние переживания и сомнения превратились в приятные воспоминания. Как у Художника.

Большого и не надо.

Пусть сейчас я мечусь из угла в угол, страдаю от неуверенности, так что плакать хочется, жалею и впадаю в депрессию... Главное, все эти переживания — настоящие. Они послужат кирпичиками моего будущего «я».

Большого и не надо.

А уже следующим утром...

Это случилось, стоило мне приступить к мантре.

В голове вдруг стало пусто и легко.

Я продолжал читать мантру, но перед моим внутренним взором вдруг заколыхалось огромное густое облако, его слои разошлись, и за ними мне открылось радужное небо.

«О... О-о-о?!»

Бескрайнее небо поражало своим простором. От окружавшей меня неопишуемой красоты перехватывало дыхание. От неожиданности и шока я не мог ни о чем думать. И тут откуда-то сверху, с умопомрачительной высоты упали похожие на сияющие стрелы золотые лучи. Жжах! — они ударили по мне, точно стена дождя.

«Уо-о-о!!!»

Световой ливень пронизывал мое тело насквозь, что не мешало мне чувствовать кожей «уколы», как от самых обычных капель.

— Все, достаточно!

Голос Акинэ-тян вернул меня в чувство.

Прошел час. А по моим личным ощущениям — не больше пары минут.

Тело все еще помнило прикосновение золотого дождя.

— Что с тобой, Юси-кун?

— Акинэ-сан... Я мантру-то читал?

— Да. А, опять время пролетело незаметно?

Я в растерянности кивнул.

— Я видел невероятно красивое место... С радужного неба на меня пролилось что-то вроде дождя из золотого света...

— Вот оно что, — Акинэ-тян обрадовано улыбнулась. — С переходом на новый уровень, Юси-кун!

— Что?

— Думаю, с завтрашнего дня можно будет возобновить многочасовые практики. Организм должен скоро прийти в норму.

Голос Акинэ-тян был полон той особой уверенности, что все идет по плану.

— Акинэ-сан... Так ты знала, что все так будет?..

— На тебя снизошло то, что христиане называют «Божественным откровением». Эйфория, чувство безграничной свободы — называй, как хочешь, — когда сознание выходит за привычные границы. Будь ты рьяным христианином, тебе вполне могли привидеться Иисус или Дева Мария. Потеря веса и усталость — это обычная реакция организма на переход на новый уровень, так сказать, временное сопротивление непривычному стрессу. При резких скачках роста ведь тоже кости ноют, тут примерно то же самое.

Значит, все-таки есть определенный сценарий, и Акинэ-тян тщательно его соблюдала.

— Почему ты мне ничего не говорила? Я весь извелся.

— Потому что не знала, сможешь ты это преодолеть или нет, — просто ответила Акинэ-тян.

— Сказала бы, что так и надо, я бы терпел, пока не преодолел...

— В таких делах приказывать нельзя.

— А если бы... если бы я все-таки сорвался?

— М-м... Наверное, вернула бы тебя к прежним практикам? — задумчиво протянула Акинэ-тян и ослепительно улыбнулась. — Но я была уверена, что ты справишься! Ты же решил так с самого начала. — И она игриво мне подмигнула.

Ее улыбка оказалась заражительной.

Случайно подняв глаза, я увидел в окне второго этажа Рю-сана. Улыбаясь, он показал мне большой палец.

Он тоже все знал. Абсолютно все.

Знал и молчал. Не потому что хотел меня испытать, а потому что верил в меня.

Я тоже показал ему большой палец.

— Иди давай в ванную. Уж сегодня ты наконец сможешь толком позавтракать.

Точно. Меня ждет долгожданный особый завтрак Рурико-сан!

— Бегу!

И я действительно побежал.

Тело казалось легким, как перышко. Настроение было преотличнейшее! Я точно заново родился.

Но и голод меня одолевал зверский, так что жареный кусок только утром выловленной рыбы-сабля я сжевал прямо с костями, влет смел омлет с филе окуня, японским имбирем и крипотенией, следом проглотил овощное желе с ямсом и бамией, попросил три добавки риса с охлажденным кисло-сладким густым соусом с окарой, а после куриного салата даже тарелку вылизал.

Блаженство! Обновленное тело наполняется силой. В буквальном смысле чувствую, как организм перерабатывает пищу в энергию!

— Приятно смотреть, как дети кушают. Что называется, воочию наблюдаешь процесс усвоения, — весело заметил Поэт, глядя на то, как мы с Акинэ-тян (точно участники соревнования едоков, если верить Художнику) расправляемся с завтраком.

— Именно это я сейчас и чувствую! Как все съеденное прямо в этот самый момент превращается внутри меня в энергию! — воскликнул я, и все засмеялись.

Отсмеявшись, Рю-сан вдруг поднялся из-за стола и негромко произнес:

— Ну, мне пора. Какое-то время не ждите. Всем удачи.

Тут до меня дошло, что на нем был его привычный пиджак, в котором он всегда путешествует.

— Рю-сан, за комнату заплатил?

— Заплатил, заплатил.

— Когда вернетесь?

— Хороший вопрос. Думаю, к концу лета разок загляну. Что ж, друзья, смотрите, не сидите долго на солнце и не болейте.

— Счастливого пути!

— Рю-сан!

Я, как и был босиком, выбежал за ним из особняка. Стоящий в потоках мягкого утреннего света Рю-сан обернулся.

— Рю-сан... Я правильно понимаю, вы из-за меня задержались?

Мой старший товарищ улыбнулся вместо кивка.

— Было приятно наблюдать за твоим прогрессом, Юси-кун. Редко кому удастся пережить Откровение. Для тебя это был ценный опыт.

У меня сжалось сердце.

— Ты не по своей воле приобщился к миру магии. Пусть я, будучи сторонним наблюдателем, восхищаюсь этим удивительным поворотом твоей судьбы, для тебя самого этого очень нелегко. Знай, ты можешь всегда рассчитывать на мою помощь.

— Спасибо! — я низко ему поклонился.

— Ты этого достоин.

Тон его голоса заставил меня невольно вскинуть голову. Глаза Рю-сана были черны, как сама тьма.

— Какая бы ни была судьба, как бы окружающие ни помогали, человек ничего не преодолеет, не будь на то его воля. Многие люди сталкиваются с неожиданными обстоятельствами. Какие-то из них по-настоящему непреодолимы. Но лично я никогда не стану помогать тому, кто даже не пытается их преодолеть.

Я никогда еще не видел на лице Рю-сана такого выражения. Под его суровым взглядом меня едва не забила дрожь. Он не просто добрый и отзывчивый человек. Доброта и отзывчивость

уравнивались в нем с суровостью.

В следующий миг его взгляд смягчился.

— Будущее не ведомо никому. Тебя впереди ждет еще множество переживаний, в том числе и никак не связанных с привидениями и нежитью. Но это нормально.

Рю-сан игриво улыбнулся, напомнив мне Акинэ-тян. И его улыбка тоже оказалась заразной.

— Пока ты будешь прилагать усилия, чтобы справиться со своими переживаниями и сомнениями, обязательно найдется тот, кто протянет тебе руку помощи. И пусть это не решит саму проблему, уже одни твои попытки и желание это сделать откроют перед тобой новые горизонты.

Я решительно кивнул.

— Хотя стоит признать, с магией у тебя пока не все в порядке. Потому я немножко тебя заколдую.

— Что? Заколдуете?

Было как-то смешно слышать подобное от могущественного экстрасенса.

— Представь, что у меня здесь есть еще один глаз, — Рю-сан указал себе на лоб пальцем.

— На лбу?

— Да. Третий глаз.

— Ладно... Эй!

Рю-сан вдруг резко ко мне приблизился, схватил меня обеими руками за голову и стукнулся лбом об мой лоб.

— Ай!

Отодвинувшись, он одарил меня очередной игривой улыбкой.

— Теперь он у тебя.

— Что? Глаз?!

— Да. В случае необходимости подключай его. Сверхъестественное станет лучше видно, — с улыбкой пообещал Рю-сан.

Это шутка такая?.. Или серьезно? Не понимаю!

Удаляющийся силуэт Рю-сана точно растворился в прозрачном и сверкающем от ярких утренних лучей воздухе. Но я все продолжал стоять на том же самом месте.

— Так называемый «третий глаз», — попивая кофе, кивнул Поэт.

— В смысле, самое настоящее глазное яблоко во лбу?!

— Оккультные течения трактуют это понятие не как физический орган зрения, а как способность к ясновидению. Когда говорят, что у человека открылся третий глаз, подразумевается, что он стал ясновидцем.

— Вот оно как...

— Что в свою очередь имеет два значения, либо что человеку открылась Истина, Вселенское знание, как угодно, либо что в нем проснулись экстрасенсорные способности.

Ох, чем дальше, тем непонятнее. Что еще за «Вселенское знание» такое?

— В буддизме это называется просветление, — подсказала Акинэ-тян.

— А-а, вот это уже как-то ближе... — встрепнулся я, хотя самое понятие «достигнуть просветления» все равно оставалось для меня загадкой.

Получается, «третий глаз» означал достижение просветления и в то же время обретение экстрасенсорных способностей?

— В занятиях йогой тоже делается упор на открытие «третьего глаза».

— Ого. Так он правда на лбу находится?

— Общепринято считать так. Хотя есть еще гипотеза про эпифиз.

— Что такое эпифиз?

— Часть мозга между долями. Считается, когда-то это был орган зрения, но в процессе эволюции он стал не нужен.

— О!

Я коснулся своего лба. Представить, что здесь глаз, и посмотреть через него... Пока для меня это было пустыми словами.

— Бусенок, как у тебя здорово получается!

Буся все это время сидел с краю стола и что-то рисовал. На листе бумаги был кривоватый круг, обозначающий лицо. Внутри него какие-то загогулины, предположительно, глаза и нос, а сейчас он как раз заканчивал выводить посередине лба еще один глаз. Услышав похвалу Акинэ-тян, он вскинул голову, и хотя лицо его ничего не выражало, было очевидно, что он горд собой. Милаха!

— Ха-ха, значит, это третий глаз? Так ты что, меня рисуешь?

В ответ Буся закивал.

Чудесное летнее утро. Сколько уже дней я не испытывал такого единения души и тела, и был счастлив этому до безумия.

Мне удалось пробить стену и перейти на новый уровень практик. И самое главное, я радовался осознанию, что все верили в мой успех. Верили в мою решимость идти до конца.

Я лег на веранде и с наслаждением потянулся.

И сегодня летнее голубое небо прекрасно. Хасэ сейчас тоже под ним, только зимнем и в южном полушарии. Как ему там на лыжах катается?

— Эх, как же просто я устроен...

Можешь возвращаться в любое время, Хасэ. Беспомощного меня тебе уже не увидеть, и это радует.

Сейчас я уже с нетерпением жду нашей встречи. Мне хочется показать тебе обновленного себя.

С такими мыслями я погрузился в приятную дрему.

— Обед готов! — донесся до меня точно откуда-то издалека голос Акинэ-тян.

Я резко сел и сладко зевнул.

— Эх, хорошо поспал.

В дверном проеме гостиной показалось лицо Акинэ-тян.

— Юси-кун, обед... Бха!

Увидев меня, она расхохоталась.

— Что? Что не так?

— Твое лицо! А-ха-ха-ха-ха!

Я взглянул на свое отражение в настенном зеркале коридора и обомлел. У меня на лбу красным фломастером был нарисован глаз!

— Что за?!

Обернувшись, я заметил высунувшегося из-за угла и смотрящего в мою сторону Бусю. Это точно его рук дело! У него прямо на лице было написано: «Пакость удалась!».

— А ну! — взвыл я, и он, вскинув над головой руки, побежал прочь. Такой смешной, что сердиться на него было решительно невозможно.

Акинэ-тян и Поэт все никак не унимались.

— Не припомню, чтобы Буся так с кем-нибудь поступал. Это, наверное, его первая в жизни настоящая шалость.

— Вы серьезно?!

— Буся сильно изменился за последнее время.

— Правильно говорят, как важно общение со сверстниками!

— Это вы кого ему в сверстники записали?

С того дня я стал совершенно спокойно проводить по утрам двухчасовые практики, и прошлая чудовищная усталость казалась дурным сном. Время тоже перестало ощущаться, как во время первых чтений сутр.

Но нельзя сказать, что все стало, как раньше. Отныне мое сознание, прямо как во время чтения «Сутры сердца», будто резонировало со звуковыми волнами мантры и как на качелях то покидало тело, то вновь в него возвращалось. Иногда в такие моменты я вновь видел радужное небо, иногда — золотой свет, а иногда — бескрайнее море.

После практики тело все равно уставало, но до впадения в депрессию или отторжения пищи уже не доходило. Но в то же время тех приливов энергии и мощнейшей концентрации, что случались со мной в начале новой практики, больше не было. Точно мое физическое и психологическое состояния наконец пришли в равновесие.

«Надо было всю домашку сделать, пока еще была к этому охота», — с сожалением подумал я.

— Здравствуйте, господин!

Вечер. Я уже собирался лечь спать, когда объявился Фул.

— Привет, Фул. Давно не виделись.

— За то недолгое время, что я не имел чести лицезреть вас, господин, ваша аура стала еще прекраснее... Как ваш скромный слуга, я не смею выразить словами все мое счастье служить столь выдающемуся мастеру, — и Фул отвесил глубокий поклон, едва не достав макушкой пальцев ног.

Я усмехнулся.

— А я еще думал, чего ты притих. Обычно ты ж с поводом и без повода горазд языком работать, — ехидно заметил я.

Фул легонько пожал плечами.

— Я был бы и рад заговорить с вами, господин, но не смел нарушать вашу хрупкую духовную концентрацию. О, сколько боли в обкусанных пальцах мне стоило сдерживаться и не видеться с вами!

— Бха! — я невольно прыснул от его заявления.

— Учение ваше принесло плоды, господин. Мы, ваши скромные слуги, на себе ощущаем, во сколь крат увеличились ваши духовные силы.

— Да ну?!

Он, конечно, явно преувеличивает, но все равно я был рад это услышать. Ведь целью моих практик было как раз усиление «Пти Иерозоикона», чтобы лучше контролировать способности заключенных в нем духов, а раз они сами говорят, что чувствуют приток сил, значит, мои труды были не зря.

— Всемогущий Джинн наконец тоже восстановил силы, и его возможности значительно возросли. Одно ваше слово, и он к вашим услугам.

Во время моего знакомства с «Пти» самым первым волшебным духом, что я вызвал, был знаменитый персонаж из «Лампы Аладдина». Я, недолго думая, пожелал денег и получил жалкую монетку в пятьсот иен, что стало пределом возможностей тогдашнего «всемогущего» Джинна.

Интересно, на что его хватит теперь? Мне стало до смерти любопытно... но я сдержался.

— Позову, когда действительно буду в нем нуждаться.

Фул опять едва не сложился пополам в поклоне.

— Слушаюсь!

Я вытянулся на футоне, чувствуя приятную усталость в теле. Крепкий сон мне обеспечен.

— В таком случае, как насчет послушать Сирене, господин? Она, желая доставить вам радость, выучила новую песню.

— Что, серьезно?!

Открываю «Пти Иерозоикон» на странице «Умеренность».

— Сирене!

Из иллюстрации вырвалась светло-голубая молния и ударила в стол, явив маленькую гарпию — женщину-птицу, она же дух-певица.

— Итак, Сирене, исполни для господина недавно заученную тобой песню.

Я застыл в предвкушении. Вот и шанс увидеть на практике собственные возросшие силы.

— М-м!♪ — запела Сирене. — М! М-м! М-м-м! М! М-м!♪

Как и раньше, песня Силены представляла собой напев без слов, но мелодия показалась мне знакомой...

— Что с вами, господин? Вы же постоянно слушаете эту песню... Если я правильно помню, она называется «First Love».

— Хикару Утады?!

То есть она-таки только и может, что мычать!

— Сирене также выучила кое-что из репертуара Аюми Хамасаки.

Ага, только песней это назвать нельзя!

— Все, хватит... Спокойной ночи, — я решительно захлопнул «Пти». — Мда уж...

Вот вам и просветление, и переход на новый уровень. Даже пережив невероятный опыт, я, по сути, остался тем же, кем и был. Наверное, всех нынешних сил всемогущего Джинна хватит разве что на пару монеток общей суммой в семьсот иен.

Стоило мне так подумать, и на меня накатил такой дикий приступ хохота, что я упал навзничь на futon и смеялся так, что едва не задохнулся.

<http://tl.rulate.ru/book/98654/3344812>